



XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 21

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 28-го мая 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ кн. 32.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1905 г.

Безъ достав- ки въ Петер- бургъ . . .	6 р. 50 н.	Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. П. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.	7 р. 25 н.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	7 р. 50 н.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . . .	7 р. 50 н.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи. . . .	8 р.	За гра- ницу. . .	12 р.
---------------------------------------------	-------------------	---------------------------------------------------------------------------------	-------------------	-------------------------------------------------------------------------------	-------------------	--------------------------------------------	-------------------	----------------------------------------------------	-------------	-------------------------	--------------

Волченокъ.

Повѣсть
П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

При устройствѣ больничной церкви, хотя Петръ Ивановичъ и взялъ на себя всѣ работы и хлопоты по художественной части, но всѣ смѣты и платежи производились Буровымъ, который былъ вмѣстѣ и предѣлатель церковной комиссіи, и казначей. До сихъ поръ онъ платилъ аккуратно, безъ разговоровъ. Но когда ему предста-

вили счетъ на образъ, писанный въ мастерской Андрея Ивановича, цѣною въ пятьсотъ рублей, онъ вдругъ возмутился.

— Какъ пятьсотъ! За холстъ въ три аршина пятьсотъ рублей? Грабежъ! Это потому, что братъ Петра Ивановича,—пополамъ раздѣлили! Братья-разбойники! Полтораста, больше не дамъ.



Гурзуфъ. Картина С. И. Васильковскаго. (XI Выставка СПб. Общества Художниковъ), авт. «Нивы».

И онъ швырнулъ въ руки секретаря поданный счетъ.
— Возвратите его этому поборнику честности и скажите, что онъ мошенникъ.

Секретарь поѣхалъ къ Петру Ивановичу и въ сдержанной формѣ, но довольно точно передалъ разговоръ по началству. Петръ Ивановичъ поблагодарилъ, но сдержался и сказалъ кратко:

— Я буду имѣть честь собственноручно дать отвѣтъ его превосходительству.

И онъ написалъ ему письмо:

«Ваше превосходительство,
Александръ Оерапонтовичъ!

«Секретарь вашъ, господинъ Вандрачекъ, сообщилъ мнѣ, что вы изволили найти цѣну образа «Юаннъ Креститель», писаннаго братомъ моимъ, тайнымъ совѣтникомъ, профессоромъ Императорской академіи художествъ, кавалеромъ орденовъ Станислава и Анны 1-ой степени, — слишкомъ высокой. На это имѣю честь заявить: 1) заглазно цѣнности вещей не опредѣляютъ; 2) за работу, подобную сдѣланной, вышереченный братъ мой менѣе тысячи рублей не беретъ и только трогательное мое краснорѣчіе, а можетъ-быть, и кровное родство, связывающее насъ, подвигло его на столь чувствительную для его кармана жертву. А потому не соблаговолите ли вы лично пожаловать завтра около полудня къ его превосходительству моему брату, живущему въ собственномъ домѣ, въ четвертой линіи Васильевского острова. Да оно и добросовѣстнѣе будетъ передъ ревизіонной комиссіей: все-таки вы будете знать, за что платите деньги, а не заглазно будете выдавать Богъ знаетъ за что, какъ изволили дѣлать до сего дня. Быть-можетъ, братъ мой уступилъ вамъ еще — хотя бы рублей пять-шесть, даже десять. Я тоже буду имѣть честь быть въ его мастерской, о чемъ онъ уже мною предувѣдомленъ.

«Позвольте васъ просить принять увѣреніе въ полнотѣ моихъ чувствъ и прочаго».

Брату онъ написалъ слѣдующее:

«Превосходительный братъ мой,
Андрей Ивановичъ!

«Предсѣдатель церковной комиссіи дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Оерапонтовичъ Буровъ завтра, въ полдень, будетъ въ твоёмъ ателье, дабы удостоверить, насколько добросовѣстно тобою исполненъ образъ, заказанный въ нашу больничную церковь. По родственнымъ чувствамъ не могу не предупредить тебя, что его превосходительство будетъ просить, чтобъ ты ему уступилъ нѣсколько золотыхъ. Такъ какъ ты человѣкъ практичный, то, быть-можетъ, спустишь и больше, выговоривъ себѣ что-нибудь пріятное черезъ нашу предсѣдательницу за пожертвованіе. Видишь, какъ я радѣю о тебѣ! Что ни говори, а родство — великое дѣло. Думаю лично тоже послѣтить тебя въ это время для поддержки твоихъ требованій.

«Искренно жаждущій завтрашняго свиданья — братъ твой

Петръ».

Онъ перечиталъ трижды оба письма и остался доволенъ ихъ изложеніемъ.

«Стравить ихъ надо! — радостно думалъ онъ. — Стравить эту глупую бездарную пробку, моего брата, съ этимъ гнуснымъ убійцей Андреева. Я ему завтра непременно скажу, что онъ убійца. Такъ и скажу. Прямо. Прямо смотря въ глаза. — Надо его подготовить»...

И онъ сдѣлалъ внизу его письма *post-scriptum*.

«Какъ меня тревожатъ слухи, ходящіе по городу объ убійствѣ вами Андреева. Я вторую ночь плохо сплю. Какъ жаль, что вы не послали за мной въ ночь его заболѣванія. Вы вѣдь знаете, какъ я себя специализировалъ на такихъ припадкахъ. Вамъ обоимъ было бы лучше. То-есть, я говорю о вашемъ превосходительствѣ и объ Андреевѣ. Впрочемъ, послѣдній теперь въ мѣстѣ значномъ, въ мѣстѣ покойномъ».

Онъ отправилъ письмо къ обонмъ, раздѣлся, поставилъ передъ собой бутылку и рюмку и сказалъ:

— Обдумаемъ планъ завтрашнихъ дѣйствій.

Онъ запретилъ съ собой разговаривать, молча ходилъ по комнатамъ, что-то бормоча, размахивая руками и улыбаясь. За обѣдомъ онъ два раза громко засмѣялся и даже потрепалъ Жюзию по рукѣ.

— Знаешь, подруга моя, — сказалъ онъ. — Я еще не прошилъ моего ума. У меня еще тамъ въ мозгу идеи работаютъ болѣе здраво, чѣмъ у несьющихъ. Вотъ посмотримъ, что завтра будетъ. Я дамъ бой. Понимаешь, неожиданно пойду въ атаку. Я люблю — сразу залпъ. Оглушишь, и потомъ — картечью, картечью.

XIV.

Но еще до боя разыгралось нѣчто неожиданное. Петръ Ивановичъ, досыпая въ креслахъ свой пьяный послѣобѣденный сонъ, вдругъ услышалъ изъ сосѣдней комнаты странный разговоръ. Сперва ему показалось, что это продолженіе сна. Но потомъ реальная дѣйствительность все сильнѣе начала вриваться въ смутныя обрывки сонныхъ грѣзъ, — и наконецъ, онъ понялъ, что это явь, что Петю о чемъ-то допрашиваетъ жена, а Петя, крайне возбужденный, нервнымъ голосомъ говорить:

— И хоть рѣжьте меня по кускамъ, не пойду я къ нему, потому что онъ человѣкъ не въ себѣ. Такъ это онъ горло мое сжалъ, что до хрипоты. Даже, ей-Богу, глаза вылѣзли.

Петръ Ивановичъ зналъ, что мальчикъ говоритъ о его братѣ, куда онъ посылалъ его съ письмомъ. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, и совсѣмъ проснулся.

— Что такое? — крикнулъ онъ. — Поди-ка сюда, Петръ.

Петръ появился въ дверяхъ въ сопровожденіи Жюзи.

— Послушай-ка, что онъ говоритъ, — сказала Жюзи. — Ну-ка, Петя, начинай опять сначала.

— Начинай сначала, — подтвердилъ Петръ Ивановичъ.

— Я принесъ письмо, — говорилъ Петя, и черные глаза его блестя, а губы вздрагивали. — Онъ въ мастерской одинъ былъ. Прочелъ письмо и закричалъ: — «скажи, хорошо! Скажи, чернилъ въ домѣ нѣтъ, а если-бы и были, такъ не написалъ бы! Скажи, хорошо».

— Забрало брата! — въ восторгѣ сказалъ Петръ Ивановичъ. — Ну, дальше?

— И только-что я повернулся, чтобъ идти, какъ онъ кричитъ: «подожди-ка, поросенокъ». Ну, я, извѣстно, жду, остановился. Онъ подошелъ къ образу, что съ меня-то писалъ и смотрѣть на него началъ такъ зорко. А потомъ говоритъ: — «ну-ка, живо раздѣнься». — Я живо все снялъ, влѣзъ на стулъ, сѣлъ. А онъ сейчасъ что-то такое въ колѣнѣ началъ мазать. Свиститъ и мажетъ. А потомъ бросилъ кисть и говоритъ: — «и того для этихъ скотовъ довольно!» — Я спрашиваю: одѣваться можно? Онъ говоритъ: — «а на кой ты мнѣ прахъ!» — Я повернулся, началъ-было сходить внизъ, а онъ какъ заоретъ: — «стой!» и самъ на меня. Схватилъ меня за плечи и трясетъ. Кричитъ: — «что это у тебя?» и подъ лѣвую лопатку пальцемъ тычетъ. А у меня тамъ черный прыщикъ съ рожденія; бывало, когда кунаешься, мальчишки дразнятъ: клопъ у тебя засохшій. И такъ вдругъ затрясло Андрея Ивановича, глаза налились кровью, поворотилъ къ себѣ мое лицо и говоритъ: — «отвѣчай, откуда у тебя это пятно!» Я говорю: «пустите, почему я знаю. Съ рожденія сидитъ». «А, говоритъ, — съ рожденія». — Да какъ хватить за горло: «кто, говоритъ, твои родители?» И такъ сдавилъ горло, что посейчасъ глотать не могу.

— Дѣйствуетъ! дѣйствуетъ! Забрало! — восхищался Петръ Ивановичъ. — Ну, — дальше что?

— Я отъ него высвободился, скоро такъ одѣваюсь. А онъ смотритъ на меня и говоритъ: «отвѣчай, гдѣ ты росъ, а то запорю!» У меня духъ захватило. А онъ, знаете, вдругъ на колѣнки передо мной сталъ, и вдругъ я вижу, что у него слезы, такъ, знаете и сыплются и

сыплются... И потомъ онъ обнялъ меня и началъ цѣловать. Я такъ испугался, такъ испугался...

— Ага! Ага!—кричалъ Петръ Ивановичъ, шагая по кабинету.—Сквозь корку что-то пробивается!.. Такъ обнялъ и цѣловалъ? Ха-ха! Андрей! Это Андрей! Ура!

Вошла горничная и подала письмо.

— Дворникъ съ Острова принесъ,—сказала она.

— Отъ него, отъ него!—крикнулъ Петръ Ивановичъ и, надѣвъ пенснэ, началъ читать.

«Братъ! Я долженъ тебя видѣть. Кто этотъ мальчикъ, откуда? Не надо прятать. Онъ убѣжалъ отъ меня. Сегодня я что-то узналъ необычайное. Не знаю, что это такое. Жду тебя завтра. Будь непременно. Это или скверная шутка, или что-нибудь еще худшее. Жду. Твой А.»

— «Твой А!»—Александръ Македонскій! Аристотель! Антихристъ! Анаѳема!

Онъ подошелъ къ Петѣ, взялъ его за уши, поднялъ голову, наклонился и вдругъ его поцѣловалъ прямо въ губы. Мальчикъ отшатнулся.

— И вы такъ же, какъ онъ?—спросилъ онъ.

Жозя засмѣялась.

— И я такъ же!—подтвердилъ Петръ Ивановичъ.— Ну, тѣзка, что мнѣ съ тобой теперь дѣлать?

— Я больше туда не пойду,—заявилъ тѣзка.

— Куда?

— Къ Андрею Ивановичу.

— Ну, братецъ, это неизвѣстно. А вдругъ онъ тебя совсѣмъ къ себѣ возьметъ?

— Я убѣгу.

— А про городскихъ забылъ? Они зоркіе. Сейчасъ тебя на веревочку.

— Зачѣмъ? Я нѣшто украсть что? А я жить хочу, чтобъ ежели работать, а не такъ чтобъ голымъ сидѣть, и съ тебя образа писали. Я сильный, мнѣ что-жъ съ палочкой на ящикѣ сидѣть, будто тоже работа. Я, вотъ Христось, сбѣгу.

— А куда? Не секретъ?

— Ежели держать не захочетъ мой благодѣтель, господинъ Троцкій, такъ у меня мѣсто есть.

— Вотъ какъ? и мѣсто нашель?

— Нашель. Я всегда найду. Какъ же можно не найти, коли я могу все? Я все могу дѣлать.

— Ну, гдѣ же это мѣсто?

— Да, такъ я и сказалъ,—нашли дурака.

Петръ Ивановичъ сѣлъ, взялъ его за борты куртки и посадилъ передъ собой.

— Чего вы сажаєте,—огрызнулся Петя:—я передъ вами сидѣть не желаю, я и постоять могу.

— Сиди, чортова кукла!—крикнулъ Петръ Ивановичъ и даже поднесъ кулакъ къ носу мальчика.—Сиди, и слушай. Ну, куда ты пойдешь? Какое мѣсто ты можешь достать? Дворъ мести? Подручнымъ въ мясную лавку? Къ сапожнику въ ученье?

— Ну, и что-жъ?—злобно смотря ему въ глаза, сказалъ Петя.—Ну и къ сапожнику, а можетъ, къ башмачнику, а можетъ, куда еще въ другое мѣсто! Вамъ-то что?

— Идиотъ! Да вѣдь изъ тебя человѣкъ можетъ выйти.

— Я и теперь человѣкъ.

— Это почему ты такъ думаешь?

— На двухъ ногахъ хожу.

— Не велико достоинство, и гусь на двухъ ногахъ ходитъ, да еще въ перьяхъ.

Петя нѣсколько оторопѣлъ.

— Вѣдь тебя въ школу надо послать,—продолжалъ Андрей Ивановичъ.—Вѣдь ты, какъ гусь, ничего не слышишь, ничего не знаешь.

— Да зачѣмъ мнѣ знать? Я свое дѣло знать долженъ, а тому, что въ школѣ учать, этого мнѣ знать не надо.

— Почему ты знаешь, чему въ школѣ учать?

— Знаю. Учать камнями кидаться на улицахъ. Школьники идутъ домой, дерутся, вотъ и вся ихъ наука. А въ

школѣ хоромъ пѣсни поютъ, да цифры на доскѣ пишутъ. Я скорѣе ихъ сочту, что хотите, безо всякой цифры. И учиться я не желаю. Меня довольно въ деревнѣ ремнемъ учили. Читать я по складамъ умѣю, и будетъ.

— Эко ты озвѣрѣлъ!—удивился Петръ Ивановичъ.

— И вовсе не озвѣрѣлъ, а просто не желаю учиться, потому что ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Вонъ Андрей Ивановичъ учился, а что-жъ...

Онъ остановился.

— Ну, договаривай, пиголица, договаривай.

— Да что-жъ, я правду говорю: развѣ такъ люди живутъ, какъ Андрей Ивановичъ живетъ?

Жозя даже работу изъ рукъ выронила.

— Что онъ говоритъ!—воскликнула она.—Да откуда ты знаешь, какъ людямъ жить надо?

— Я все знаю,—самодовольно ораторствовалъ Петя.—Какая же это жизнь, если онъ цѣлый день ругается? Это и у насъ въ деревнѣ ругались. Невидаль большая! Для этого учиться не стоитъ. А вотъ у насъ жила старуха Фекиста, такъ она никогда не ругалась. Ее обругаютъ, а она говоритъ: «Богъ тебя прости, а я не въ обидѣ». Я сказалъ какъ-то про нее Андрею Ивановичу, а онъ говоритъ: «твоя старуха дура». А я говорю: «Ну, это еще неизвѣстно, кто глупъ». Онъ посмотрѣлъ на меня и спрашиваетъ: «А ты знаешь, какъ уши рвутъ»? Я говорю: «Знаю, потому среди мужиковъ жилъ». Онъ и замолчалъ. Вотъ и вся его ученость.

Петръ Ивановичъ всталъ со стула.

— Каковъ цыпленочекъ?—спросилъ онъ у жены.

— Ну, что-жъ!—сочувственно отвѣтила она.

Петръ Ивановичъ взялъ со стола рублевую бумажку.

— Вотъ тебѣ, купи, что хочешь!—сказалъ онъ.

— Мнѣ не надо, у меня все есть!—упрямо возразилъ мальчикъ.—Я сытъ.

— Не хочешь, не надо! Отдай тогда кому-нибудь. Я назадъ того не беру, что разъ далъ.

Петя сжалъ губы, подумалъ о чемъ-то и опустил бумажку въ карманъ.

— А вотъ вы мнѣ платье сдѣлали,—вдругъ сообразилъ онъ.—И если-бъ я вдругъ ушелъ или убѣжалъ бы. Должонъ же я его вамъ отдать?

— Что-жъ, я его послѣ тебя носить буду?

— Да я ужъ тамъ не знаю, а только вы мнѣ развѣ затѣмъ его сдѣлали, чтобъ я въ немъ сбѣжалъ?

Жозя внимательно посмотрѣла на него.

— Да ты въ самомъ дѣлѣ бѣжать задумалъ?—спросила она.

Краска залила щеки мальчика.

— Нѣтъ,—забормоталъ онъ.—А я только къ тому, ежели вы меня въ школу...

— Знаешь, что я тебѣ скажу!—проговорилъ Петръ Ивановичъ.—Привыкъ ты съ дѣтства шалберничать. Я отсюда вижу, какъ ты время проводилъ. Весь день, то на пескѣ, то на травѣ, то въ лѣсу, то на лодкѣ. Не доѣдалъ, не досыпалъ, лупили тебя, какъ сидорову козу, такъ что небо маленькимъ-маленькимъ казалось. Ходилъ ты въ лохмотьяхъ, весь въ синякахъ и царапинахъ. Вонъ до сихъ поръ еще на шеѣ не зарубцовалось. А вѣдь чего добраго, съ начала лѣта...

— Не... съ весны. Это стекломъ попало.

— Вотъ, вотъ! И все-таки ты, несмотря ни на что, вольнымъ казакомъ былъ. Грудь твоя привыкла къ свѣжести, къ озону...

— Къ чему такому?—переспросилъ мальчикъ.

— Къ тому, чего здѣсь нѣтъ. Ну, и тянетъ тебя на просторъ. Хотъ дрова пилить, хотъ бурлакомъ баржи тянуть, только бы въ комнатахъ не сидѣть.

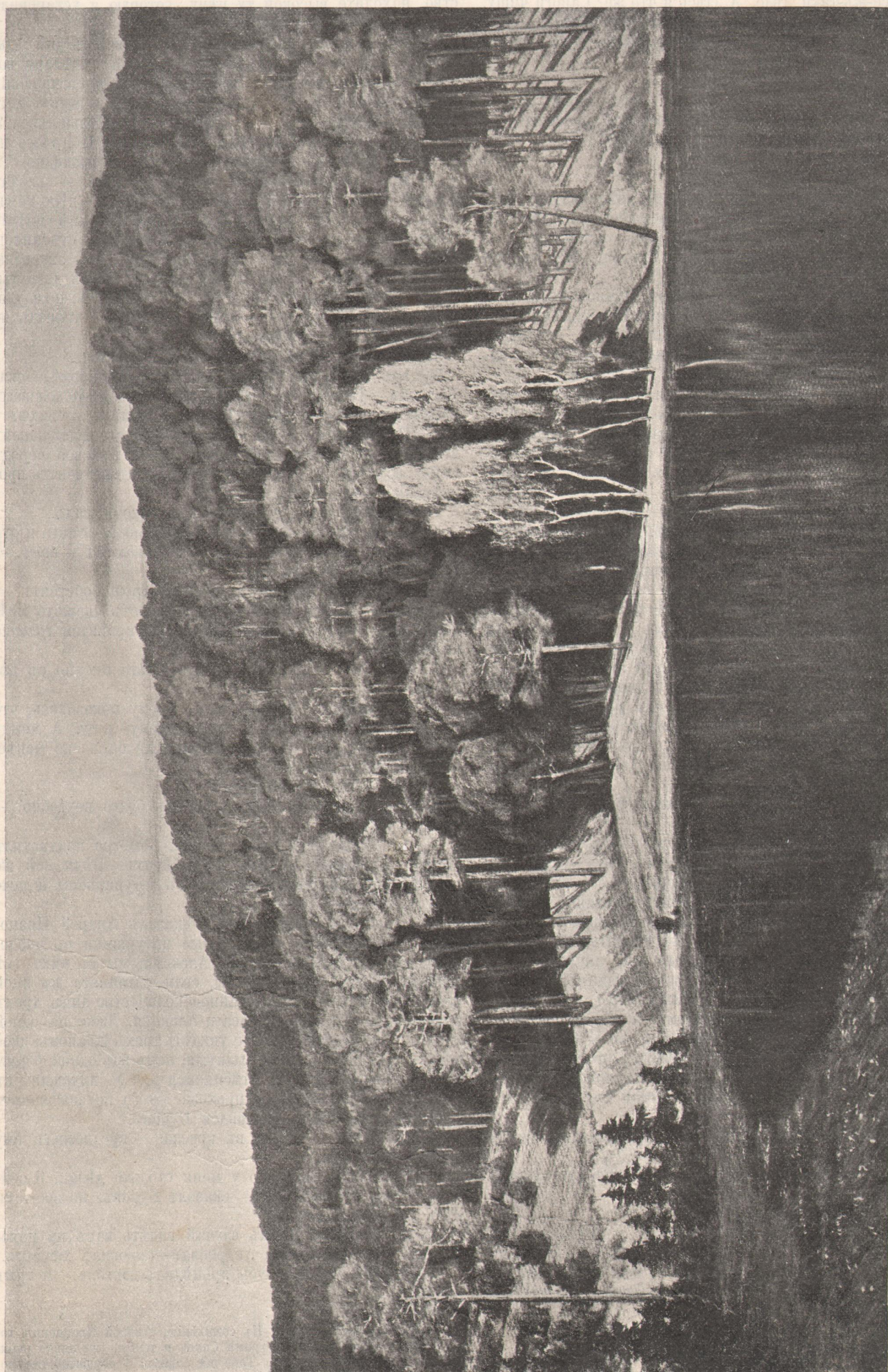
Лицо Петки освѣтилось.

— Извѣстно, что хорошаго въ комнатахъ... Да и здѣсь, кабы... Вотъ на перевозъ бы поступить...

— Какое счастье! Черезъ Фонтанку возить чиновниковъ?



Передь битвой. Картина Нозля Флюэра, авт. «Нивы».



Льское озеро. Картина Лейстинова, авт. «Плывы».

— Все-жь-таки дѣло. А здѣсь я что же? Сапоги чищу, комнаты мету, двери открываю. Развѣ это дѣло?

— Ну, да, тебѣ надо работу ослиную: чтобъ тянуть лямку, по-твоему, это работа?

Онъ потрепалъ его по затылку.

— Охъ, что-то изъ тебя будетъ,—проговорилъ онъ.— Долго тебѣ еще расти, пока до человѣка дорастешь.

— Что-жь, и дорасту,—сказалъ Петя.

XV.

На слѣдующій день, въ половинѣ двѣнадцатаго, рыжая лошаденка доктора остановилась передъ подъѣздомъ профессора. Отъ подъѣзда какъ разъ отъѣзжала сверкающая свѣжимъ лакомъ каретка Бурова, запряженная парой вороныхъ рысаковъ.

«Въ аккуратъ!»—подумалъ Петръ Ивановичъ и, шагая черезъ двѣ ступени, нагналъ своего начальника.

— Доброго утра, collega,—сказалъ онъ и, поправившись, прибавилъ.—А мы, ваше превосходительство, напрасно сегодня васъ прождали въ лѣчебницѣ.

— А я не могъ: меня вызвали къ министру,—небрежно отвѣтилъ Буровъ, стараясь придать своему бритому, красивому лицу вдумчивое, озабоченное выражение.

Когда они остановились у двери профессора и позволили, Петръ Ивановичъ скользнулъ взглядомъ по щеголеватой фигурѣ доктора.

— Какъ вы хорошо сохраняетесь!—проговорилъ онъ.— Вамъ никто не дастъ вашихъ лѣтъ. Я понимаю, отчего вы имѣете такой успѣхъ среди дамъ, особенно пожилыхъ. Мнѣ про одну генеральшу рассказывали, что она нарочно себя простужаетъ, чтобъ вы ее выслушивали.

— Охота вамъ повторять всякій вздоръ!—сморщась, возразилъ Буровъ.—Вообще, я вамъ удивляюсь, что за страсть у васъ распускать языкъ! Я знаю, что вы про меня рассказываете по поводу смерти этого Андреева... Теперь не время, намъ открываютъ дверь, но потомъ я потребую отъ васъ отчета въ вашихъ дѣйствіяхъ.

— Я къ услугамъ вашимъ, превосходительный collega, когда хотите, я готовъ дать вамъ удовлетвореніе.

— Не стрѣляться же я съ вами буду!—дернувъ головой, сказалъ докторъ.

— А мы на пинцетахъ! на пинцетахъ!—сострилъ Петръ Ивановичъ.

Въ залѣ ихъ встрѣтилъ профессоръ. Глаза у него какъ-то лихорадочно горѣли, и онъ, видимо, былъ возбужденъ.

— Вотъ позвольте васъ познакомиться,—заговорилъ Петръ Ивановичъ.— Нашъ великій, блестящій медикъ, одинъ изъ величайшихъ діагностовъ, славный Буровъ. А это—братъ мой. Я не смѣю его хвалить, но, должно-быть, онъ великъ, такъ какъ его возвеличило правительство до степени профессорской. Однимъ словомъ: два таланта, соль земли—двѣ соли земли.

— Кажется, во множественномъ числѣ соль не употребляется,—съ кривой улыбкой поправилъ Буровъ.

— Натры бываютъ разные,—замѣтилъ его помощникъ.

— Очень радъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ, смотря прямо въ глаза брата и крѣпко сжимая ему руку.—Мы давно не видались.

— Дѣлъ общихъ не было!—невинно возразилъ Петръ Ивановичъ.

— Да, а теперь есть,—многозначительно проговорилъ Андрей Ивановичъ.

— Развѣ? Да... насчетъ образа.

— Нѣтъ, и насчетъ кое-чего болѣе серьезнаго... Милости просимъ, докторъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Бурову:—пожалуйста въ мой кабинетъ, я туда велѣлъ перенести икону, чтобы не затруднять васъ подниматься еще однимъ этажомъ выше.

Онъ пропустилъ впередъ медика и самъ прошелъ за нимъ, предоставляя брату слѣдовать въ арбергардъ.

— Я слышалъ,—началъ онъ, когда докторъ остановился передъ холстомъ:—что вы, ваше превосходитель-

ство, находите высокою ту цѣну, которую я установилъ при переговорахъ съ моимъ братомъ?..

— Я говорилъ принципиально,—перебилъ его докторъ:—еще не видя самой вещи. Ошибка сдѣлана вашимъ братомъ: онъ взялъ на себя заказъ, превышающій наши средства. Но, конечно, трудъ вашъ долженъ быть оплаченъ гонораромъ, быть-можетъ, втрое болѣшимъ... Я не специалистъ въ изящныхъ искусствахъ. Но, тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь утверждать, что это превосходно.

— Я о цѣнѣ говорить и спорить не буду,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Я предоставляю рѣшать дѣло вамъ. Если вы найдете возможнымъ заплатить мнѣ вмѣсто пятисотъ рублей двѣ тысячи, я возьму, не стѣсняясь. Если вы скажете, что вамъ пріятнѣе взять эту вещь совсѣмъ даромъ, и что я еще долженъ вамъ дать тысячу рублей приплаты, я и на это соглашусь, и съ удовольствіемъ понесу этотъ налогъ. Я вообще терпѣть не могу говорить о деньгахъ.

Буровъ какъ будто нѣсколько сконфузился.

— Кто же желаетъ брать вашъ трудъ даромъ,—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, вы мнѣ позвольте доложить нашей высокой предсѣдательницѣ о вашихъ словахъ?

— О, пожалуйста. И если вы найдете возможнымъ все-таки произвести мнѣ уплату, то я въ свой чередъ найду возможность такъ или иначе посодѣйствовать процвѣтанію суммъ общества.

Буровъ протянулъ ему руку и крѣпко пожалъ.

— Я благодарю васъ отъ имени нашего совѣта и отъ имени тѣхъ несчастныхъ, что призрѣваются у насъ,—торжественно сказалъ онъ.

— Ну, вотъ, видите, какъ все хорошо обстоитъ!—восхитился Петръ Ивановичъ.—А вотъ скажите мнѣ, ваше превосходительство, какъ вамъ нравится головка этого Іоанна?

— Очаровательно... Мнѣ кажется, это писано съ дѣвочки.

— Ты знаешь, Андрей, мнѣ самому показалось, что ты придалъ что-то женственное этому лицу. А между тѣмъ, collega, эта головка писана не болѣе не менѣе, какъ съ моего лакея.

Буровъ немного поморщился.

— Вы не находите, что это какъ будто неудобно?—сказалъ онъ.

— Да кто же объ этомъ знаетъ!—быстро подхватилъ Петръ Ивановичъ.—Вы, я да братъ? Вѣдь всѣ же образъ такъ или иначе пишутся съ натурщиковъ и даже съ сохраненіемъ сходства.

— Я могу это подтвердить,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Есть у насъ излюбленные натурщики въ академіи: старикъ Тарасъ, потомъ Алексѣй; мы съ нихъ всѣ пишемъ заказы образовъ. Вы, если заглянете въ иной соборъ, то увидите необычайное количество лицъ трехъ натурщиковъ: Ивана, Тараса и Алексѣя. Даже на одной и той же картинѣ вы можете увидѣть трехъ Ивановъ: двое несутъ третьяго, и лица вылитыя, какъ изъ одной формы отлиты. Мы этимъ не стѣсняемся*). У художниковъ это вызываетъ улыбку, а прохожіе этого не замѣчаютъ.

— Цесъ! Скажите!—удивился Буровъ.

— Да вы бы присѣли въ кресла,—предложилъ ему Андрей Ивановичъ.

— Благодарю васъ, но у меня столько дѣла... Я сейчасъ только отъ министра,—сказалъ Буровъ, но все-таки сѣлъ передъ картиной.

— Я, кажется, имѣлъ случай видѣть васъ на похоронахъ моего товарища Андреева?—спросилъ хозяинъ.

— Н-нѣтъ,—сквозь зубы процѣдилъ докторъ:—я тамъ не былъ.

*) *Примѣчаніе автора.* Къ сожалѣнію, Андрей Ивановичъ, говоря о кончавшемся тогда храмѣ Спаса и теперь уже давно оконченномъ, совершенно правъ. Тамъ на стѣнахъ изображено невѣроятное количество Ивановъ, Тарасовъ и Алексѣевъ. Оно правъ, что художники въ этомъ отношеніи не стѣснялись.

— У насъ, братецъ, считается неприличнымъ, если докторъ приходитъ на похороны умореннаго имъ пациента,—вмѣшался Петръ Ивановичъ.

Буровъ вспыхнулъ.

— Я бы васъ попросилъ оставить ваши выходки! — почти крикнулъ онъ.

— Ой-ой-ой! Зачѣмъ же вы возвышаете голосъ,—укоризненно покачалъ головою Петръ Ивановичъ.— Мы, collega, съ вами не въ больницѣ. Вы знаете, у меня есть скверная привычка говорить то, что думаю.

— Такъ вы думаете, что я уморилъ Андреева?—кисло улыбаясь, спросилъ онъ.

— Не думаю, а знаю-съ. Вѣдь вы же имѣли неосторожность всѣмъ рассказывать, якобы въ свое оправданіе, весь ходъ вашего лѣченія. Вотъ тутъ-то ваша пяточка и есть,—ахиллесава, ахиллесава пяточка. Ужъ очень у васъ приемы устарѣлые: отчего вы не пожелали примѣнить ни одного изъ теперешнихъ способовъ лѣченія? Вѣдь какой-нибудь лѣкариска-недоучка подумаетъ, что вы не слѣдите за успѣхами современной науки и просто-на-просто не знали, за что схватиться.

— Это все голословно,—сказалъ Буровъ.

Будь это другой докторъ, онъ бы и говорить съ нимъ не сталъ, но Петра Ивановича онъ боялся, и даже передъ нимъ заискивалъ; а потому онъ ограничился теперъ только тѣмъ, что повернулся къ Андрею Ивановичу и сказалъ:

— Неприятный характеръ у вашего брата.

— Пренеприятный!—подхватилъ Петръ Ивановичъ.— Ну, вотъ хоть теперъ: умеръ человекъ, зарыли, ужъ не воскресншь, а я все пристаю къ генералу: «Ваше превосходительство, позвольте васъ къ отчету призвать!»

— Къ какому отчету? Да вы просто съ ума сошли!—воскликнулъ Буровъ.

— Почему же съ ума? Вдругъ бы, ваше превосходительство, я напечаталъ критику на ваше лѣченіе. Какое камуфлетецъ? Вдругъ бы я спросилъ: «А почему вы въ острый періодъ заболѣванія не дали пациенту каломеля?» Это разъ. Второе: «позвольте спросить, что это за растираніе щетками, и достойно ли это столь почтеннаго врача, какъ вы?»

— А что же, по-вашему, надо было сдѣлать?—спросилъ докторъ, то краснѣя, то блѣднѣя.

— Грѣлочки, грѣлочки надо было положить, дорогой мой, больше ничего-съ. Да горячаго коньячку съ кипяткомъ внутрь.

— Мнѣ пора,—сказалъ онъ.—Извиняюсь передъ вами за вашего брата. Съ вами я не прощаюсь,—прибавилъ онъ, повернувшись къ Петру Ивановичу:—увидимся въ больницѣ.

— Я ужъ былъ тамъ,—отозвался Петръ Ивановичъ:—поѣзжайте одни. Вы не бойтесь, я никому рассказывать больше не буду о вашемъ невѣжествѣ. А только на слѣдующій разъ въ такихъ острыхъ случаяхъ приглашайте меня.

— Желудокъ не принималъ коньяку...

— Ай-яй! какой желудокъ, не слушается доктора!—засмѣялся Петръ Ивановичъ.—А вотъ меня всегда онъ слушаетъ, потому что я его характеръ знаю. Онъ больше какъ до трехъ разъ не упрямится. Отъ трехъ стакановъ откажется, а четвертый навѣрно удержитъ въ себѣ: въ этомъ, голубушка мяс, вся и хитрость. Личнымъ опытомъ до всего этого дошелъ, личнымъ опытомъ!

— Я долженъ вамъ сказать...

— Позвольте, вы ничего не должны мнѣ сказать,—возвышая голосъ въ свою очередь проговорилъ Петръ Ивановичъ.—Теперь я долженъ говорить, а не вы. Далѣе, я обвиняю васъ въ томъ, что вы не вызвали у больного дѣятельности кожи растираніемъ льдомъ и не положили его въ ванну. Когда началось у него гущеніе крови, вы должны были, слышите вы, лѣкаръ Буровъ, вы должны были вспрыснуть цѣлую бутылку раствора соляной кислоты. А вы это сдѣлали, спрашиваю я васъ? А если не сдѣлали, какъ же вы смѣли лѣчить на свою отвѣтственность столь талантливаго художника, какъ Андреевъ?

— Я бы многое могъ бы отвѣтить вамъ на это,—сказалъ Буровъ:—но ничего не отвѣчу: это ниже моего достоинства...

— И выше знаній,—подсказалъ Петръ Ивановичъ.

— Укажу вамъ только на одно, ваше обличеніе здѣсь совершенно неумѣстно.

— Неужели? Ваше превосходительство, а развѣ было бы лучше, если-бъ я все это сказалъ при полномъ синклитѣ нашихъ врачей?—спросилъ Петръ Ивановичъ.— Или если бы напечаталъ сію отвѣдь въ газетахъ? Мнѣ кажется, что вы недостаточно оцѣнили мою деликатность. Я нашелъ такой моментъ, что и выслушать-то вы меня должны, да и свидѣтель нашей бесѣды ни уха, ни рыла въ медицину не понимаетъ.

Буровъ подалъ Андрею Ивановичу руку.

(Продолженіе слѣдуетъ).



То было въ наши юные года.
Мы лѣсомъ шли... Вдругъ видимъ, передъ нами
Ручей широкій вьется межъ кустами.
Я былъ застѣнчивъ, а она—горда.

Она сказала мнѣ:—Иди впередъ;
Но безъ оглядки!—И въ одно мгновеніе
Сняла съ себя чулки безъ замедленія,
Чтобы скорѣй идти за мною вбродъ.

И, вотъ, идемъ... Но вдругъ, почувъ страхъ,
Я оглянулся... Точно съѣтъ дорожекъ

Струи катятся вокругъ жемчужныхъ ножекъ.
А соловей поѣтъ, поѣтъ въ кустахъ...

И вдругъ я услышалъ тревожный крикъ,—
О, Боже мой! Ужель она споткнулась?..
Душа во мнѣ, какъ птица, встрепенулась,
И подбѣжалъ я къ ней въ единый мигъ.

Легко упасть могла она тогда—
И на руки я взялъ тогда бѣдняжку...
Поймете-ль вы, какъ намъ пришлось тутъ тяжко?
Я былъ застѣнчивъ, а она—горда.

Н. Юговъ.



Филомела. Картина Г. Лингнера, авт. «Нивы».

Война
(От нашего специального корреспондента)



大歩靈
H.A.

Мукденский бой. Атака Путиловской сопки. Проволочные заграждения.
Рисунок нашего специального корреспондента В. А. Табурина, авт. «Нивы».

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Мукденскій бой.

По улицѣ деревни двигались и устраивались какіе-то обозы, толпились повозки съ ранеными, гремѣли колеса какихъ-то батарей, двигались и толкались на мѣстѣ какія-то пѣхотныя части. Темнота кое-гдѣ пронизывалась бросаемымъ изъ воротъ свѣтомъ горѣвшихъ на дворахъ костровъ. Свѣтъ на каждомъ шагѣ смѣнялся темнотой, давая обманчивыя тѣни. Несмотря на темноту, конные рысью пробивались черезъ толпу, люди и лошади сталкивались, артиллерійскія лошади путались въ построенияхъ, слышались крики, ругань, кто искалъ штабъ какой-то части, кто перевязочный пунктъ, кто полковья кухни, кто зарядные ящики. И среди этого безпорядочнаго шума голосовъ раздавались стоны и просьбы раненыхъ, лежащихъ въ арбахъ и на землѣ, ожидающихъ своей очереди и молящихъ о помощи.

Мы долго блуждали среди этой раздраженной и растерянной толпы. Вигелевъ потерялъ свою фанзу. Мы нѣсколько разъ возвращались назадъ, входили въ нѣкоторые дворы, но фанзы не могли найти. Свѣтъ костровъ совершенно измѣнилъ очертанія деревни. Въ заключеніе всего, Вигелевъ самъ внезапно исчезъ... Въ толпѣ мы потеряли другъ друга.

Я рѣшилъ остановиться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ докторъ про-

— Нужно дѣлать брустверы изъ японскихъ труповъ...— продолжалъ онъ. — Они своими пулями не пробиваются... Мы сегодня дѣлали... Изъ деревень нужно уходить!! Уходите отсюда!! — опять закричалъ онъ въ толпу.— Вездѣ мины!.. Вездѣ телефоны!.. Вездѣ японцы!

Онъ вдругъ замолчалъ, увидѣвъ стоящаго китайца. Съ хитрымъ выраженіемъ подмигнуть мнѣ, онъ сталъ незамѣтно къ нему придвигаться и затѣмъ неожиданно сбросилъ съ него теплую шапку, распуталъ накрученную на головѣ косу и, ухватившись за нее, потащилъ китайца въ толпу.

— Японцы!! Японцы!!— послышался его отчаянный крикъ, заглушившій всѣ остальные голоса.

На мгновеніе въ той сторонѣ шумъ прекратился, но сейчасъ же, какъ эхо, раздались другіе голоса: «Японцы! Японцы!..»—а тотъ, прежній голосъ опять кричалъ:

— Банзай! Японцы! Банзай!!..

Движеніе толпы сразу усилилось. Всѣ бросились въ разныя стороны. Одни проталкивались во дворы фанзъ, другіе бѣжали, скакали верхомъ, бѣжали въ повозкахъ другъ другу навстрѣчу, сталкиваясь, падая и опрокидываясь. Прежняго шума голосовъ уже не



Группа офицеровъ 54 Минскаго пѣхотнаго полка. По фот. авт. «Нивы».

валился сквозь землю, надѣясь, что онъ догадается на томъ же самомъ мѣстѣ и появиться на свѣтъ.

Но его долго не было, а вмѣсто него мимо промелькнулъ странный человѣкъ, безъ пахахи, съ разстегнутымъ полубубкомъ и, по-видимому, кого-то искавшій. Замѣтивъ меня въ полосѣ свѣта, онъ вернулся обратно и подошелъ ближе. По полубубку безъ погонь трудно было сказать, офицеръ это или солдатъ, но по тонкимъ чертамъ худощаваго лица видно было, что это не солдатъ.

— Отступленія больше не будетъ... передайте это всѣмъ...— заговорилъ онъ, озираясь по сторонамъ.— Я сейчасъ получилъ телеграмму изъ Казани... тамъ у меня дядя... онъ знаетъ все... онъ въ курсѣ дѣла... въ курсѣ... въ курсѣ... Отступленія больше не будетъ. Это послѣдній день... завтра война кончится...

— Гдѣ ваша папаха?— перебилъ я его.

— Она попала въ плѣнь... ее разстрѣляли японцы... Вы спрашиваете про моего лучшаго друга? Его повѣсили въ Инкоу... только за то, что онъ русскій...

— Застегните свой полубубокъ... простудитесь...

— Все равно... все равно... теперь это не имѣетъ значенія...

Въ эту минуту его ударило оглоблей профѣзжавшей мимо повозки, и онъ упалъ, но сейчасъ же поднялся, по-видимому, не ощущая боли.

— Все равно... все равно... это не имѣетъ значенія...

— Вы офицеръ?— спросилъ я.

— Нѣтъ, я вольноопредѣляющийся, но все равно... все равно...

Нужно уходить отсюда... Всѣ деревни минированы... Въ той деревнѣ мы нашли телефонъ... въ шкапу японскій телефонъ... У нихъ вездѣ телефоны... Уходите отсюда!— закричалъ онъ, поворачиваясь въ толпу.

Но въ общемъ шумѣ, толкотнѣ и суматохѣ на него никто не обращалъ вниманія. Какой-то китаецъ, появившійся изъ сосѣдняго двора, остановился около насъ и слушалъ непонятныя рѣчи страннаго на видъ человѣка.

было, а слышны были только отдѣльные крики «японцы!», и свои же дико и бессмысленно кричали «банзай!». Гдѣ-то на краю деревни раздавалось нѣсколько выстрѣловъ, а вслѣдъ затѣмъ защелкали выстрѣлы по близости, въ самой толпѣ, и нѣсколько пуль просвистѣло въ воздухѣ.

Человѣка безъ пахахи не было видно, но откуда-то издалека еще доносился его дикій голосъ: «Банзай!.. Банзай!..»

А впереди безпорядочно трещали выстрѣлы...

Но вотъ неожиданно появился казачій офицеръ верхомъ на лошади. Онъ врѣзался прямо въ толпу и стегалъ нагайкой направо и налево.

— Стой!! мерзавцы... Смирно!!.. Какого чорта японцы! Сами въ своихъ стрѣляете!!.. Ты куда прешь, каналья... — остановилъ онъ нѣсколькими ударами нагайки бородачатаго почтеннаго солдата, который лѣзъ прямо подъ ноги лошади.

Тотъ вытянулся, отдавая честь и едва удерживаясь отъ толчковъ тѣснящейся толпы.

— Какой части?!— кричалъ офицеръ, неизвѣстно къ кому обращаясь.

— Маршевой команды,— отвѣчалъ бородачатый солдатъ.

— А гдѣ команда?

— Не могу знать.

— Я-те покажу «не могу знать»... Бздовые, стой!— кричалъ онъ дальше, останавливая орудіе.— Стой всѣ на своихъ мѣстахъ!! Ни шагу дальше!!..

Толпа колыхалась, но теченіе ея уже приостановилось. Вмѣсто криковъ «японцы» и «банзай» стали слышаться крѣпкія ругательства. Это было вѣрнымъ признакомъ того, что люди успокоились и пришли въ нормальное состояніе.

Выстрѣлы прекратились, и мало-по-малу возстановился тотъ сравнительный порядокъ, который былъ раньше.

На улицѣ я столкнулся съ докторомъ Вигелевымъ. Фанза отыска-

лась. Тут помѣщался перевязочный пунктъ. На дворѣ былъ только узкій проходъ, а по сторонамъ каждый шагъ былъ занятъ лежащими и сидящими ранеными, ожидающими очереди перевязки. Сдержанные стоны говорили о тяжелыхъ страданіяхъ этой массы живыхъ и умирающихъ тѣлъ... Огня здѣсь не было, и мрачная сцена, освѣщенная лишь отблесками искръ и краснаго дыма отъ костра на сосѣднемъ дворѣ, напоминала изображеніе ада въ иллюстраціяхъ Дорэ.

близко ружейная стрѣльба. Когда она стала усиливаться и приближаться, нужно было вставать и быть наготовѣ.

Мы стали пить чай и поджидать утра 23 февраля.

Къ семи часамъ началась орудійная пальба. Гранаты стали падать въ нашей деревнѣ.

Мы съ Вигелевымъ только-что передъ этимъ нашли въ фанзѣ старинные китайскіе луки и стрѣлы и, по праву завоевателей, хотѣли ихъ съ прочими вещами захватить съ собой. Но все это



Группа офицеровъ Ивангородскаго пѣхотнаго полка. По фот. авт. «Нивы».

Въ лѣвой половинѣ фанзы дѣлались перевязки и оттуда слышались уже менѣе сдержанные крики.

Мы вошли въ правую половину, гдѣ помѣщались доктора. Тутъ же сидѣлъ подполковникъ Ахалцхскаго полка, которому только-что сдѣлали рядомъ перевязку и теперь писали ему свидѣтельство о ранахъ...

Раненые прибывали всю ночь... Три младшихъ доктора распредѣлили между собою очередное дежурство.

— А васъ, Дмитрій Дмитриевичъ,—обратились они къ Вигелеву:—мы освобождаемъ отъ дежурства... Ложитесь и отдохните до утра, если только японцы не помѣшаютъ...

— Очень тронуть,—отвѣтилъ онъ:—но никакими льготами пользоваться не желаю.

Онъ взялъ на себя среднюю очередь, т. е. самую тяжелую.

пришлось бросить, когда мы оставляли деревню.

Опять повозки и артиллерійскіе ящики стали вытягиваться на дорогу.

— Куда отступать?—спрашивалъ кто-то на дворѣ пришедшаго офицера.

— По направленію выстрѣловъ,—отвѣчалъ офицеръ дѣловымъ тономъ.

Но направленіе снарядовъ было весьма неопредѣленно. Нѣкоторые перелетали черезъ деревню. Обозная колонна не рѣшалась поэтому двигаться дальше и остановилась на дорогѣ. Подъ прямымъ угломъ вправо въ туманѣ видѣлась башня Хауха, отъ которой два дня тому назадъ съ такимъ успѣхомъ началось движеніе нашей колонны...

Я пошелъ по направленію къ ней, черезъ болотистую, съ замер-



Группа 10 роты Квантунской крѣпостной артиллеріи. По фот. авт. «Нивы».

мнѣ все еще нездоровилось, но Вигелевъ, какъ врачъ умный, никакого лѣкарства мнѣ не далъ, потому что отъ безсонныхъ ночей и тяжелыхъ впечатлѣній—одно лѣкарство—сонъ.

Кань, дѣйствительно, оказалась натопленными и даже настолько, что буркой пришлось не накрыться, а подостлать ее подъ себя, чтобы не изжариться.

Но уснуть опять и опять не пришлось.

Всю ночь на дворѣ шумѣли, отправляя раненыхъ. Стоны ихъ тяжело дѣйствовали на нервы, а до разсвѣта началась гдѣ-то

шими дулами, равнину. Кто-то говорилъ, что Лешъ уже находится тамъ.

Но дойти до башни мнѣ не пришлось. Снаряды вдогонку, одинъ за другимъ, стали падать по всей линіи отъ Сахеды до башни. Они падали на совершенно открытое и пустое пространство и, повидимому, были безцѣльны. Подобную стрѣльбу мы наблюдали очень часто и, въ концѣ концовъ, убѣдились, что это дѣлается японцами не сирота. Результатами такого обстрѣла обыкновенно бывало (какъ и въ этотъ день), что кухни, а главное—зарядные ящики



Драгуны на Тайдзыхэ. (52 Ныжинский драгунский полк). Рисунок академика Н. С. Самокиша, арт. «Нивы».

не могли попасть на позиции или сильно запаздывали. Вообще, японцы очень любят стрелять специально по артиллерийским резервам, загоня их подальше от батарей и держа в осадном положении. В артиллерийских учебниках о такой стрельбе, конечно, не говорится, и она может быть только результатом инициативы.

Свернув от выстрелов, я направился к видневшемуся вдали холмику. По пути попадались целые стаи одичавших собак. Они шли около передовых позиций в ожидании человеческих трупов, которыми они питались. Прежде, у Шахэ, они обыкновенно разбегались, но теперь стали смеяться...

Шимозы начали хватать дальше и уже падают впереди меня. Положение пренеприятное. Я посмотрел в сторону Сахэдзы. Обозная колонна тянулась по дороге в следующую деревню. Две какие-то фигуры бжали в мою сторону, к намеченному мною холмику. На душе стало легче, потому что самое неприятное в таких случаях, это одиночество. Я тоже пустился было бгомь, чтобы скорее выйти из сферы огня, но проклятые собаки-людоеды начали бросаться, и пришлось поневоле идти шагом...

А в воздухе отвратительный сверлящий свист и внезапно вырастающие на земле, как кусты, громадные букеты бурого дыма. Все мысли в этих случаях сосредоточиваются на одном желании — сделаться маленьким-маленьким, чтобы можно было влезть в самую узенькую щелочку. Жалеешь, что родился на свете царем творений, а не какой-нибудь незаметной букашкой или козявкой...

Наконец, и желанный холмик. Снаряды падают хотя и близко, но сюда не достигаешь ни один. Холмик невысокий, но на гладкой равнине он все-таки представляет собою наблюдательный пункт.

Кругом канонада в полном разгаре... Видимые разрывы и громы орудий полукруглой линией тянутся с севера из-за Императорских могил, мимо деревни Сахэдзы, по краю обрыва котловины, за которыми скрыты наши батареи, и далее к югу, где



Штаб генерала Бильдерлинга. Подъ Шахэ. Рисунок академика Н. С. Самокиша, арт. «Нивы».

громъ орудій едва слышенъ. Вся эта линия представляет непрерывную цѣпь огня. Такой канонады, какъ 23-го февраля, я не слышалъ ни подъ Ляояномъ, ни подъ Ташичао. Сильный перевѣсъ въ этомъ громѣ выстрѣловъ былъ на нашей сторонѣ, но все же по линіи огня становилось очевиднымъ, что мы окружены...

День былъ тихій, солнечный. Желая присѣсть, я спустился съ холма на сторону, противоположную выстрѣламъ. Тутъ уже сидѣли трое солдатъ, но это были не тѣ, которыхъ я видѣлъ бѣгущими къ холму. Они куда-то исчезли. Потомъ оказалось, что одинъ изъ нихъ былъ убитъ осколкомъ, а другой вернулся обратно.

Я присѣлъ къ солдатамъ. Одинъ былъ раненый въ руку 1 полка и шель въ Мудень, а двое другихъ—Калужскаго полка.

— Вы что тутъ дѣлаете?—спросилъ я ихъ.

Они помялись и отвѣтили не сразу.

— Отстали отъ своихъ, а теперь и найти не можемъ... гдѣ онъ полкъ... Можеть, вы знаете?

— Нѣтъ, не знаю. Только, сидя здѣсь, вы никогда полка не найдете.

Солдаты посидѣли еще минутку и потомъ пошли по направлению къ Сахедзы.

Раненый ложится, подложивъ подъ голову папаху. Подъ теплыми лучами солнца не чувствуется мороза. Я тоже растягиваюсь на склонѣ холма и сладко засыпаю. Пушечная пальба, къ которой уже привыкло ухо, не мѣшаетъ, а убаюкиваетъ...

Около часа спустя просыпаюсь отъ знакомаго, но къ которому никогда нельзя привыкнуть, свиста снаряда. Раненаго солдата уже нѣтъ. Башня сильно обстрѣливается. Японскія батареи, видимо, подошли еще ближе, потому что многіе снаряды далеко перелетаютъ башню.

Машинально иду къ рошѣ, окружающей Императорскія могилы. По равнинѣ медленно тянется къ позиціи какая-то пѣхотная колонна. Раненые идутъ и ѣдутъ въ арбахъ по всѣмъ направлѣніямъ. Мѣстами сидятъ, отдыхая около носилокъ съ ранеными, группы солдатъ. А канонада гремитъ попрежнему.

Въ рошѣ, куда также залетаютъ снаряды, стоятъ фуры Краснаго Креста, какія-то повозки, зарядные ящики. Отдѣльной группой лежатъ солдаты музыкантской команды какого-то полка. Мѣдныя трубы, сильно помятыя и побурѣвшія, печально лежатъ въ сторонѣ. Онѣ молчатъ въ современныхъ бояхъ.

Лѣвѣе остается Сяканза, куда отошли наши обозы. Ихъ видно съ этой стороны деревни. Походныя кухни дымятся, приготовляя обѣдъ для отправки на позиціи.

Правѣе деревни Сяканза идутъ какія-то нестройныя группы. Всѣ онѣ движутся къ деревнѣ Сахедзы съ сѣвера, со стороны Падзы...

Это отступающія части отряда полковника Запольскаго.

Самъ онъ убитъ... и Падзы уже въ рукахъ японцевъ. Она находится въ трехъ верстахъ отъ Сахедзы и въ одной верстѣ отъ Сяохетуня, гдѣ въ это время держался 1 полкъ...

Охватъ японцевъ стигивался все уже и уже...

Роша Императорскихъ могилъ кажется безконечной. Группы сидящихъ солдатъ попадаютъ всюду. Большинство во всемъ снаряженіи и съ винтовками.

За рошѣй, тянущейся на сѣверъ около 3 верстъ, идетъ какая-то рота. Офицеръ шагаетъ въ сторонкѣ, впереди, задумчиво опустивъ голову. Нѣкоторые солдаты курятъ.

Не зная, куда они идутъ, я машинально, чтобы не оставаться одному, подхожу ближе и слѣдую за ними...

Никто на меня не обращаетъ вниманія. Проходимъ около полуверсты и у дороги люди садятся въ окопъ или естественный ровъ, гдѣ уже сидятъ до полсотни солдатъ. Какія-то орудія стрѣляютъ со стороны дороги, до которой около четырехъ верстъ, и среди этихъ выстрѣловъ и рвущихся въ той же сторонѣ шрапнелей странно видѣть освѣщенный солнцемъ дымъ и слышать свистки идущаго тамъ паровоза.

Хочу въ бинокль найти батарею, но стекла его заплыли и

ничего не видно. Хочу протереть ихъ, но сейчасъ же отказываюсь отъ этого намѣренія. Въ ухахъ и во всемъ воздухѣ, дрожащемъ отъ выстрѣловъ, чувствуется тяжелое утомленіе и слышится глосъ: «все равно».

Сажусь на край окопа и только тутъ замѣчаю лежащія кругомъ трупы. Нѣкоторые солдаты берутъ вчетверомъ тѣла, лежащія въ самомъ окопѣ, и отталкиваютъ ихъ назадъ, чтобы занять ихъ мѣста.

Солдаты усаживаются во рву поудобнѣе, точно для отдыха, осматривая замки у винтовокъ, которыя затѣмъ раскладываютъ на брустверъ. Офицеръ, безусый поручикъ, въ громадной сѣрой папахѣ, прогуливается по краю окопа.

Нѣсколько шрапнелей допадутъ въ воздухъ, и слышны удары пуль о землю...

— Садитесь, ваше благородіе, — говорить мнѣ ближайшій солдатъ: — не то васъ зацѣпятъ...

Усаживаюсь рядомъ съ нимъ, оперевшись спиной къ брустверу.

Шрапнели продолжаютъ рваться, но большинство не долетаютъ до насъ.

Офицеръ что-то говоритъ солдатамъ, и они настораживаются. Мнѣ сидѣть удобно и не хочется ни на что обращать вниманія.

— Рота!.. — командуетъ офицеръ, продолжая стоять во весь ростъ. Солдаты опять шевелятся, прикладываются и замираютъ.

— Пли!!

Раздается залпъ, и далеко впереди глухой роготъ пролетѣвшихъ пуль.

Я приподнимаюсь и поворачиваю туда голову. На разстояніи полуверсты, по совершенно ровной мѣстности, густыми цѣпями бѣгутъ японцы. Слѣва мелькаетъ надъ головами какой-то значокъ. Только теперь замѣчаю, что поле близъ нашего окопа и дальше усѣяно лежащими тѣлами.

— Что же батарея не стрѣляетъ!.. — говоритъ офицеръ, поворачиваясь назадъ и раздраженно топая ногой.

Затѣмъ опять сейчасъ же продолжаетъ командовать.

— Рота!.. Пли!!

Въ густой цѣпи японцевъ многіе падаютъ, но цѣпь продолжаетъ бѣжать.

Откуда-то справа, вѣроятно изъ-за стѣнъ виднѣющейся деревни, тоже раздается залпъ, и вслѣдъ затѣмъ частая стрѣльба пачками.

— Вотъ за это спасибо, — говоритъ офицеръ.



Женщина-переводчикъ. Рисунокъ академика Н. С. Самокиша, авт. «Нивы».

Изъ первой линіи атакующихъ японцевъ бѣгутъ уже только человекъ пять, но за этой линіей движется вторая.

Наша рота посылаетъ новый залпъ.

Изъ пяти бѣгущихъ впереди четверо падаютъ, а одинъ въ черномъ мундирѣ и съ золотымъ галуномъ на фуражкѣ, офицеръ, продолжаетъ бѣжать. Онъ держитъ надъ собою въ правой рукѣ винтовку наподобіе копья и добѣгаетъ до окопа шаговъ на 10. Но тутъ, задѣтый новымъ залпомъ, успѣваетъ бросить въ нашу сторону винтовку и падаетъ на землю. Онъ еще силится подняться и, глядя на насъ, что-то кричитъ. Лицо его искривлено злобой. Одинъ изъ солдатъ приподнимается и стрѣляетъ въ него въ упоръ, а винтовку, которая упала на брустверъ, никого не задѣвъ, кстаті тащить къ себѣ за штыкъ и бросаетъ въ окопъ.

Между тѣмъ, изъ второй цѣпи, бѣгущей къ намъ, тоже остается уже немного. Но въ то же время въ воздухѣ начинаютъ посвистывать близкія пули. Многіе изъ цѣпи, не добѣжавъ, залегли и открыли огонь.

А шрапнели продолжаютъ, не долетая до насъ, рваться надъ нами же. Остатки атакующихъ, не добѣжавъ шаговъ двѣсти, тоже залегаютъ и начинаютъ стрѣлять. Умышленно или нѣтъ, угадать довольно трудно, но несомѣнно, что ихъ снаряды поражаютъ ихъ же самихъ.

Пролежавъ нѣсколько минутъ, остатки цѣпи, какъ по командѣ, поднимаются на ноги и опять бросаются впередъ.

Ихъ человекъ сорокъ, но добѣгаютъ только человекъ десять. Изъ окопа успѣваютъ по нимъ сдѣлать три залпа. Оставшіеся десять человекъ поворачиваютъ направо, а отъ насъ налѣво, и, побросавъ ружья, бѣгутъ по направленію къ рощѣ, но скоро останавливаются и садятся на землю.

Офицеръ посылаетъ пятерыхъ солдатъ забрать ихъ и отвести въ занятую нами сосѣднюю деревню.

Когда солдаты къ нимъ подходили, они встали и подняли руки.

Вслѣдъ за конвойными идутъ четверо раненыхъ изъ нашего окопа.

— Это седьмая атака здѣсь, — говоритъ офицеръ, спустившись въ окопъ и садясь рядомъ со мной.

Шрапнели начинаютъ рваться ближе. По тому направленію, куда идутъ плѣнные, падаютъ шимозы.



Во время Мукденскаго боя. Японскій генераль, въ траншеѣ наблюдающій по картѣ за ходомъ боя.



Плѣнные японцы въ селѣ Медвѣдь, Новгородской губерніи. Украшеніе цвѣтами могилъ умершихъ въ плѣну. Рисункъ Матанія, авт. «Нивы».

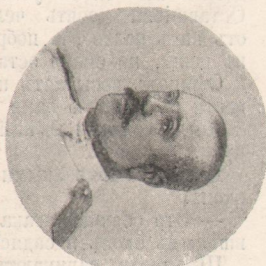
- Это какая деревня виднѣется тамъ?—спрашиваю я.
- Синтайцзы.
- Кѣмъ она занята?
- Нашими.
- Это я знаю. Но какой именно частью?
- Не знаю. Меня послали изъ резерва за линіей дороги.
- А лѣвѣ васъ кто?
- Тоже не знаю...
- Но вѣдь должна же быть у васъ связь съ ближайшими частями.
- Офицеръ ничего не отвѣчаетъ на это, но затѣмъ прибавляетъ:
- Отъ насъ требуютъ, чтобы мы умерли... и мы умремъ... Въ это время гдѣ-то близко отъ насъ со стороны желѣзной дороги ударяетъ выстрѣлъ, и въ воздухѣ шипитъ снарядъ, затѣмъ второй, третій и дальше...
- Вотъ они когда начали,—замѣчаетъ офицеръ.—А впрочемъ, можетъ-быть, готовится новая атака...
- Со стороны Падызы къ намъ летятъ другіе снаряды. Нѣсколько шимозъ падаютъ впереди между лежащими тѣлами, а одна шрапнель разрывается надъ нами.
- Въ нашемъ окопѣ кто-то начинаетъ стонать... Фельдшеръ торопится дѣлать перевязку.
- А вы бы уходили отсюда,—говоритъ мнѣ офицеръ.— Охота тоже быть убитымъ ни съ того, ни съ сего. Вонъ въ рощѣ, все-таки, безопаснѣе...
- Въ эту минуту какъ разъ въ рощу падаетъ снарядъ, и тамъ въ группѣ людей и повозокъ видна суматоха.
- Если хотите знать, что здѣсь будетъ дальше... я вамъ скажу: никто изъ насъ отсюда цѣлымъ не уйдетъ...
- Въ это время раненый солдатъ вылѣзаетъ изъ окопа и, согнувшись, идетъ мимо насъ. Шинель у него одѣта только на лѣвую руку.
- Дойдешь самъ?—спрашиваетъ поручикъ.
- Тотъ останавливается, не зная, что отвѣтить.
- Я машинально встаю, машинальножимаю протянутую мнѣ поручикомъ руку, беру японскую винтовку, беру винтовку у раненаго солдата, а его самого за руку и веду его къ рощѣ. А сзади кто-то говоритъ:
- Ваше благородіе, опять японцы идутъ...
- Чѣмъ дальше мы отходимъ отъ окопа, тѣмъ болѣе раненый обнаруживаетъ непокойства.
- Ты куда раненъ?—спрашиваю я.



Генераль-майор В. В. Разнатов-ский, умерь отъ ранъ въ Портъ-Артуръ.



Полковникъ генеральнаго штаба Е. Н. Наученко, убитый въ Портъ-Артуръ 12 декабря одновременно съ генераломъ Кондратенко.



Подполковникъ пораненной стражи Бугузовъ (убитъ).



Подполковникъ 25 вост.-сиб. стр. полка В. М. Лопухинъ (убитъ).



Подполковникъ Глагольцевъ (раненъ и умеръ).



Подполковникъ Дадья (раненъ).



Капитанъ Барушевъ.



Капитанъ Францъ.



Капитанъ Лизовскій (раненъ).



Капитанъ Павловскій (убитъ).



Штабъ-капитанъ 28 вост.-сиб. стр. полка А. П. Каргинъ (убитъ вмѣстѣ съ генераломъ Кондратенко).



Шт.-кап. 7 вост.-сиб. артиллерійской дивизіи А. А. Сидоровъ (въ плѣну въ Мауямъ).



Шт.-капитанъ квантунской крѣп. артиллеріи Н. В. Волковъ (раненъ и награжд. орд. св. Анны 3 ст.).



Шт.-капитанъ 13 вост.-сиб. стр. полка Н. М. Балинъ (въ плѣну въ Мауямъ).



Поручикъ квантунской крѣпостной минной роты П. К. Красовскій (раненъ, находится въ плѣну).



Поручикъ Лашковъ (убитъ).



Поручикъ Муратовъ (раненъ и контуженъ).



Поручикъ Лена (раненъ).



Поручикъ Михеевъ (раненъ и умеръ).



Подпоручикъ 26 вост.-сиб. стр. полка Норкинъ (3 раза былъ раненъ).



Подвесауль 1 вержнеудинскаго казачьяго полка В. А. Соловьевскій.



Артил. чиновн. квантунск. крѣпости. артилл. лит. сов. А. И. Барабаный, во время осады Портъ-Артуръ былъ воякомъ на боретъ батареи № 18 (Площадки мисс), исподн. дожи. комен. отдѣльн. укрѣпл. (ран. и остался въ строю, награжд. орд. св. Анны 3 ст. съ меч.).



Командиръ броненосца „Полтава“ капитанъ 1 ранга И. П. Успенскій (въ плѣну).



Корпуса инженеръ-механикъ флота подполковникъ К. Ф. Молоховъ (тяжело раненый, умеръ 2 февраля).



Капитанъ 2 ранга Бахметевъ, старши офицеръ броненосца „Севастополь“ (убитъ).



Капит. 2 ранга П. Н. Ивановъ 8, старши офицеръ мореходной лодки „Отважный“, геройски отличившійся при отраженіи атаки брадиреровъ на рейдъ Портъ-Артуръ, за что награжденъ орд. св. Анны 3 ст. съ мечамъ.



Мичманъ Б. А. Флейшеръ, мѣх. экипажа броненосца „Полтава“ (убитъ) при Штурмѣ Высокой горы).



Старшии мичм. минновода „Старый“, шт.-кап. П. О. Давровъ 5-и, за доставленіе изъ Портъ-Артуръ въ Чифу знаменъ, серебряныхъ рюкочковъ, сержентъ, дѣль и додум. награжд. орд. св. Владиміра 4 ст. съ меч. и бантомъ.

Герои Портъ-Артуръ. По фот. авт. «Нива».



Группа офицеров и строителей крейсера I ранга „Оле́г“, во главѣ съ командиромъ кап. I ранга Добровторскимъ, старш. офицеромъ капитаномъ II ранга Посоховымъ и главнымъ строителемъ „Оле́га“, инженеръ-механикомъ Мустафинимъ.
По фот. Д. Здобнова, снятой передъ отплытіемъ крейсера на Дальній Востокъ, авт. «Нивы».



Группа офицеров и строителей крейсера II ранга „Изумрудъ“, во главѣ съ его командиромъ, капитаномъ II ранга барономъ Ферзенемъ.
По фот. Д. Здобнова, снятой передъ отплытіемъ крейсера на Дальній Востокъ, авт. «Нивы».

— Воо... о... о...—протягивает он дрожащим голосом, указывая большим пальцем на правую сторону шеи, где сквозь перевязку уже просочилась круглым пятном кровь.

Я бросаю японскую винтовку, потому что две сильно оттягивают плечо.

Впереди недалеко от рощи падает шимоза.

— Ишь она! — болтливным тоном протягивает раненый. — Намъ бы, ваше благородіе, правѣ держать, не то зацѣпить.

Куячезы.

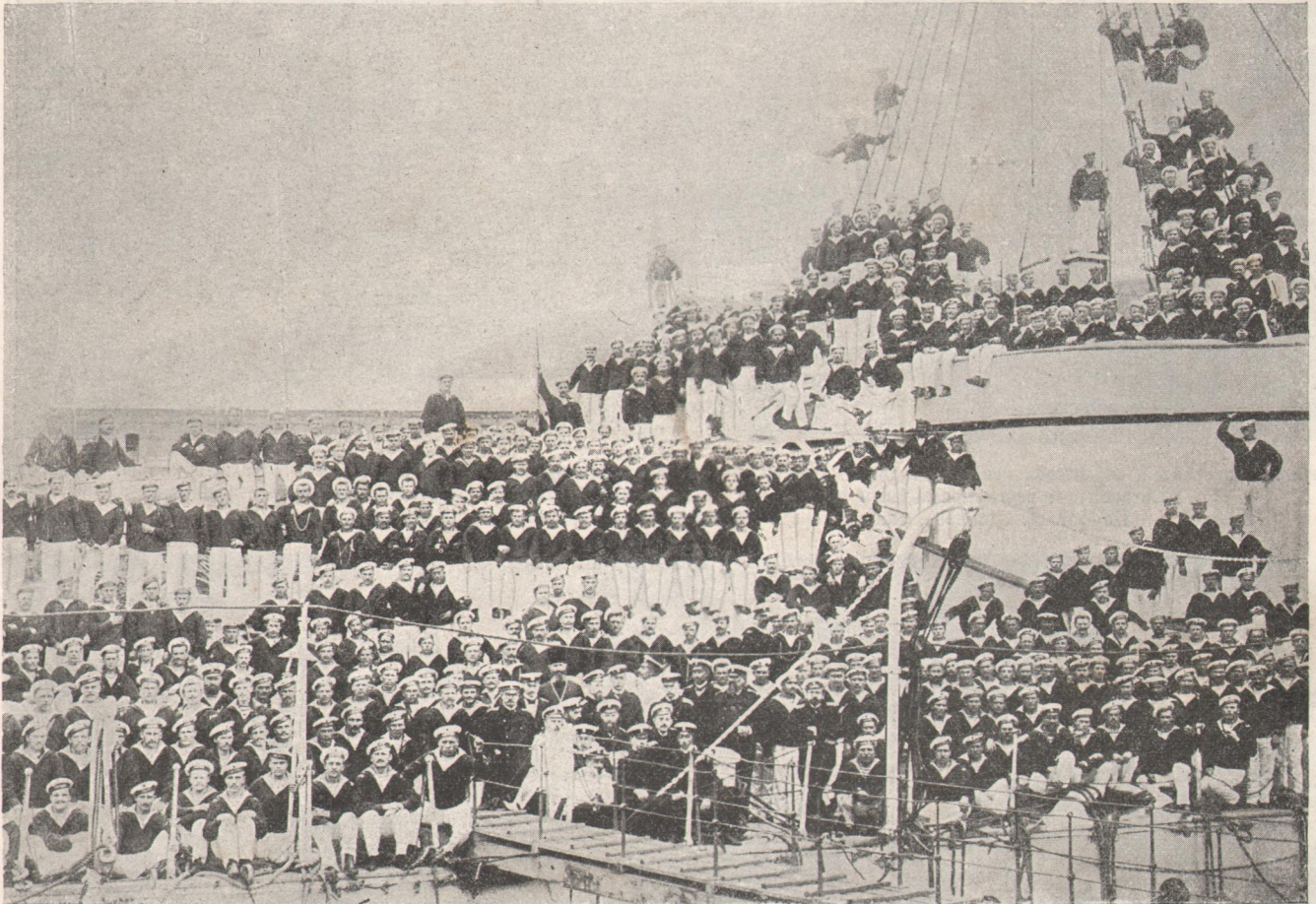
В. Табуринъ.

Филомела. (Рис. на стр. 408).

Картина художника Г. Лингнера изображает героиню древнегреческого мифа, обработанного, между прочим, Овидием в его «Метаморфозах».

Филомела была дочерью афинского царя Пандіона. У нея были братья Эрехтей и Бруть и сестра Прокна. Мужъ Прокны, Терей, полюбил Филомелу и пожелал жениться на ней, а для этого

что эскадра генерал-адъютанта Рождественскаго въ составъ броненосцевъ: «Князь Суворовъ», флагъ вице-адмирала Рождественскаго, «Императоръ Александръ III», «Бородино», «Орель», «Ослибя», флагъ контръ-адмирала Фелькерзама, «Сисой Великій», «Наваринъ», «Императоръ Николай I», флагъ контръ-адмирала Небогатова, «Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ», «Адмиралъ Сенявинъ», «Адмиралъ Ушаковъ», крейсеровъ: «Олеги», флагъ контръ-адмирала Энквиста, «Нахимовъ», «Аврора», «Мономахъ», «Дмитрій Донской», «Свѣтлана», брѣйдъ-вымпелъ командующаго капитана I-го ранга Шеина, «Алмазъ», «Ураль», «Жемчугъ», «Изумрудъ»; миноносцевъ: «Бодрый», «Буйный», «Бравый», «Блестящій», «Безупречный», «Быстрый», «Бѣдовый», «Грозный», «Громкій»; транспортовъ: «Камчатка», «Анадырь», «Иртышъ», «Корея»; буксирныхъ пароходовъ: «Русь», «Свирь» и госпитальныхъ судовъ: «Орель» и «Кострома», 14-го сего мая подошла къ острову Тусима, гдѣ встрѣтила непріятельскій флотъ въ полномъ составѣ. Въ 1 часъ 20 мин. дня вступила въ бой. Съ самаго начала бои непріятель сосредоточилъ огонь на «Суворовъ» и «Ослибъ». До



Группа офицеровъ и экипажа эскадреннаго броненосца „Наваринъ“. По фот. авт. «Нивы».

услалъ Прокну въ деревню. Филомелѣ же онъ вырѣзалъ языкъ и объявилъ ей, что Прокна умерла.

Но Филомела все-таки узнала правду. Желая извѣстить Прокну о случившемся, она выткала на платьѣ нѣсколько словъ и послала къ ней это платье.

Терей потомъ пытался убить обѣихъ сестеръ. Онъ гнался за ними съ топоромъ, и когда нагналъ, и спасенія сестрамъ ни откуда не было, онъ обратился съ мольбою къ богамъ, прося превратить ихъ въ птицъ. Просьба ихъ была исполнена, и Филомела стала съ тѣхъ поръ соловьемъ, а Прокна—ласточкой. Но, зато, превратился въ птицу и Терей, сдѣлавшись ястребомъ, и, такимъ образомъ, преслѣдованія бѣдныхъ сестеръ все-таки не окончились съ этимъ превращеніемъ.

Художнику удалось создать прекрасный образъ нѣмой Филомелы: у нея нѣтъ способности говорить, но ея лицо, ея глаза говорятъ намъ яснымъ и выразительнымъ языкомъ души о ея страданіяхъ и ея горькой судьбѣ.

Морской бой въ Корейскомъ проливѣ.

Всеподданнѣйшая телеграмма командира крейсера II ранга „Изумрудъ“, капитана II ранга барона Ферзена, отправленная изъ поста св. Ольги 19 мая въ 9 ч. 55 мин. пополудни, на имя Его Императорскаго Величества.

Всеподданнѣйше довшу Вашему Императорскому Величеству,

наступленія темноты изъ броненосцевъ были потоплены «Ослибя», «Императоръ Александръ III» и «Бородино», сильно повреждены и потеряны изъ виду эскадрой «Суворовъ», «Камчатка» и «Ураль». Командованіе перешло къ контръ-адмиралу Небогатову. Съ наступленіемъ темноты броненосцы «Императоръ Николай I», «Орель», «Сенявинъ», «Апраксинъ», «Ушаковъ», «Сисой Великій», «Наваринъ», «Нахимовъ» и вѣтренный мѣлъ крейсеръ «Изумрудъ», прикомандированный репетичнымъ кораблемъ при броненосцахъ, слѣдуя за адмираломъ, легли на Нордъ-Ость 23 въ порядкѣ: «Императоръ Николай I», «Орель», «Апраксинъ», «Сенявинъ», «Ушаковъ», «Сисой Великій», «Наваринъ», «Нахимовъ»; остальные отрѣзанные отъ эскадры крейсера вскорѣ были потеряны изъ виду. Отрядъ броненосцевъ, идя 14-узловымъ ходомъ, подвергался повтореннымъ миннымъ атакамъ на концевые корабли. Съ разсвѣтомъ выяснилось, что отрядъ состоитъ изъ броненосцевъ: «Императоръ Николай I», «Орель», «Апраксинъ» и «Сенявинъ». 15-го числа съ восходомъ солнца снова на горизонтѣ обнаружилась дымъ непріятельскаго флота, о чемъ доложить сигналомъ адмиралу. Адмиралъ прибавилъ ходъ. «Сенявинъ», «Апраксинъ» стали замѣтно отставать. Около 10 часовъ спереди, слева и сзади показались японскій флотъ, одинъ отрядъ крейсеровъ началъ обходъ сзади справа. Будучи при этомъ отрѣзаны отъ эскадры и не имѣя возможности соединиться, рѣшились прорваться во Владивостокъ и далъ полный ходъ, чтобы уйти отъ начавшихъ погоню непріятельскихъ крейсеровъ. Разсчитывая ветрѣтить непріятельскіе крейсера при измѣненіи курса на Владиво-



Группа офицеров крейсера „Аврора“. По фот. авт. «Нивы»



Группа офицеров крейсера „Дмитрий Донской“. По фот. авт. «Нивы».



Капитанъ I ранга Игнаціусъ, командиръ эскадреннаго броненосца „Нарышкинъ“.



Капитанъ I ранга Бухвостовъ, командиръ броненосца „Александръ III“.



Капитанъ I ранга Беръ I, командиръ эскадреннаго броненосца „Ослябя“.

стокъ и, при неимѣннй къ тому времени и угля, взявъ курсъ на бухту Владивирь, куда и пришелъ ночью съ 16 на 17. При входѣ, въслѣдствіе млы, въ 1 ч. 30 мин. ночи выскочилъ всѣмъ корпусомъ крейсера на камни. Имѣя угля только 10 тоннъ и не видя возможности снять крейсеръ, свезъ команду на берегъ и, чтобы крейсеръ не достался въ руки враговъ, — взорвалъ его. Ранено въ бою 6 нижнихъ чиновъ; офицеры и остальная команда здоровы.

Копія всеподданнѣйшей телеграммы Главнокомандующаго всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими противъ Японіи, генерала-отъ-инфантеріи Леневица.

16-го мая во Владивостокъ прибылъ крейсеръ II ранга «Алмазь». Командиръ крейсера доноситъ: «14-го мая эскадра адмирала Рожественскаго въ Цзусимскомъ проливѣ вступила въ бой съ японскимъ флотомъ. Въ дневномъ бою погибли броненосцы: «Князь Суворовъ», «Бородино», «Ослябя», крейсеръ «Ураль». Броненосецъ «Императоръ Александръ III» имѣлъ сильныя поврежденія. Въ началѣ боя раненъ генералъ-адъютантъ Рожественскій, который свезенъ на другое судно. Послѣ отдѣленія моего крейсера отъ эскадры, съ наступленіемъ темноты бой возобновился. Результаты ночного боя неизвѣстны. Крейсеръ «Алмазь», отрѣзанный отъ остальной эскадры, прорвался во Владивостокъ.

По доподлиннѣйшимъ, полученнымъ отъ командира крейсера «Алмазь» черезъ командира Владивостокскаго порта, свѣдѣніямъ, во время дневного боя транспортъ «Камчатка» имѣлъ весьма серьезныя поврежденія. «Алмазь» былъ отрѣзанъ отъ эскадры и затѣмъ, не будучи въ состояніи присоединиться къ ней, пошелъ во Владивостокъ. На «Алмазь» убитъ лейтенантъ Мочалинъ и 4 нижнихъ чина, ранено 10 нижнихъ чиновъ, изъ коихъ 3 очень тяжело.

Свѣдѣній о томъ, кто изъ личнаго состава погибшихъ судовъ спасся и кто погибъ, не имѣется.

Телеграмма генерала-отъ-инфантеріи Леневица изъ Годзядана на имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Генералъ-Адмирала.

Отъ 17-го мая 1905 года.

Генералъ Казбекъ телеграфируетъ, что 17-го мая, въ 10 часовъ утра, пришелъ во Владивостокъ контръ-миноносецъ «Грозный», отдѣлившійся отъ эскадры во время ночного боя. По словамъ командира «Грознаго», шелъ на сѣверъ и миноносецъ «Бѣдовый»; на послѣднемъ находился адмиралъ Рожественскій со штабомъ. Сѣвернѣе острова Дажелетъ наши миноносцы встрѣтили два большихъ японскихъ контръ-миноносца, которые вступили въ бой. Во время боя видѣли, что «Бѣдовый» погибъ отъ взрыва. Участь адмирала неизвѣстна. Въ продолжавшемся бою «Грозный» утопилъ одинъ контръ-миноносецъ. Къ острову Аскольдъ подходитъ контръ-миноносецъ «Бравый».

Телеграмма командира эскадреннаго миноносца «Бравый» лейтенанта Дурново, изъ Владивостока, на имя Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Генералъ-Адмирала.

Отъ 19-го мая 1905 года.

17-го мая благополучно прибылъ во Владивостокъ, отставъ отъ эскадры 14-го мая въ 9 час. вечера; въ это время видѣлъ въ строю всѣ броненосцы, кромѣ «Ослябя», и одного — типа «Князь Суворовъ». Шли всѣ хорошо въ кильватерной колоннѣ. Во время боя около 4 час. 30 мин. дня спасъ съ опрокинувагося «Ослябя» 175 человекъ команды и офицеровъ: лейтенантовъ Саблина и Колокольцова и мичмановъ Иванова и Бачманова. Около 4 час., находясь подъ жаркимъ перекрестнымъ огнемъ, 6-дюймовый снарядъ пробилъ палубу и котельный кожухъ и, разорвавшись, вывелъ оба носовые котла и пробилъ главныя паровыя трубы, снесъ фокъ-мачту; убиты 9 человекъ команды и ранено 4-хъ и лейтенанта Нерике легко. Въслѣдствіе этихъ поврежденій не могъ идти болѣе 11-ти миль, почему не могъ идти за эскадрою, проложившей курсъ на Владивостокъ, и пошелъ самостоятельно, придерживаясь береговъ Японіи, чтобы выйти изъ сферы дѣйствія японскихъ миноносцевъ. При этомъ встрѣтилъ ихъ болѣе 15-ти, возвращавшихся послѣ атакъ. Для большаго невидимости срубилъ мачту и днемъ красилъ трубы въ бѣлый цвѣтъ. 16-го ночью лопнула трубка въ третьемъ котлѣ, послѣ чего могъ идти только 5 миль. За недостаткомъ угля сжегъ все дерево. 17-го утромъ поставилъ гротъ-мачту и вошелъ въ телеграфное сообщеніе съ Владивостокомъ.



Капитанъ II ранга баронъ Ферзенъ, командиръ крейсера „Изумрудъ“.



Капитанъ I ранга флигель-адъютантъ Чагинъ, командиръ крейсера „Алмазь“.



Капитанъ I ранга Егорьевъ, командиръ крейсера „Аврора“.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Волченочъ. Повѣсть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе). — Вбродъ... (Изъ Падьерона). Стих. Н. Югова. — На войнѣ. (Отъ нашего спеціального корреспондента). — Филомела. — Морской бой въ Корейскомъ проливѣ. — Объявленія.
 РИСУНКИ: Гурзуфъ. — Передъ битвой. — Лѣсное озеро. — Филомела. — Мунденскій бой. — Гтана Путиловскаго сепки. — Группа офицеровъ 54 Минскаго пѣхотнаго полка. — Группа офицеровъ Ивангородскаго пѣхотнаго полка. — Группа 10 роты Квантунскаго крѣпостной артиллеріи. — Драгуны въ Тайдзъхъ. — Штабъ генерала Бильдерлинга. — Женщина-переводчикъ. — Лѣтныя японцы въ селѣ Медвѣдъ, Новгородской губерніи. — Во время Мукденскаго боя. Японскій генералъ, въ тра шѣи наблюдающій по картѣ за ходомъ боя. — Генералъ-майоръ В. В. Рознатовскій. — Подполковникъ Е. Н. Науменко. — Подполковникъ Бутузовъ. — Подполковникъ В. М. Лопухинъ. — Подполковникъ Глагольевъ. — Подполковникъ Даль. — Капитанъ Барышевъ. — Капитанъ Францъ. — Капитанъ Лизель. — Капитанъ Пальческій. — Штабъ-капитанъ А. П. Калитскій. — Штабъ-капитанъ А. А. Сырцовъ. — Штабъ-капитанъ Н. В. Волковъ. — Штабъ-капитанъ Н. М. Балинъ. — Поручикъ П. Р. Рейнбольтъ. — Поручикъ Пахомовъ. — Поручикъ Муравтовъ. — Поручикъ Лена. — Поручикъ Михеевъ. — Подпоручикъ Короникъ. — Поддесаулъ В. А. Смоленскій. — Артиллерійскій чиновникъ А. И. Бережній. — Капитанъ I ранга И. П. Успенскій. — Подполковникъ К. Ф. Молоховецъ. — Капитанъ II ранга Бахметьевъ. — Капитанъ II ранга П. Н. Ивановъ В. — Мичманъ Б. А. Флейшеръ. — Штабъ-капитанъ П. О. Лавровъ. — Группа офицеровъ и строителей крейсера I ранга «Олего» во главѣ съ командиромъ кап. I ранга Добротворскимъ. — Группа офицеровъ и строителей крейсера II ранга «Изумрудъ» во главѣ съ его командиромъ, капитаномъ II ранга барономъ Ферзеномъ. — Группа офицеровъ и экипажа эскадреннаго броненосца «Наваринъ». — Группа офицеровъ крейсера «Аврора». — Группа офицеровъ крейсера «Дмитрій Донской». — Капитанъ I ранга Игнаціусъ. — Капитанъ I ранга Бухвостовъ. — Капитанъ I ранга Беръ I. — Капитанъ II ранга баронъ Ферзенъ. — Капитанъ II ранга флигель-адъютантъ Чагинъ. — Капитанъ I ранга Егорьевъ.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 32.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.

